

Ветер перемен

Рогнеда Доэрти

«Рыжая метель», как в шутку называл дед Рогнедины волосы, именно в такой важный, значимый для неё день была ещё более непослушна и строптива, чем раньше. Просто до безобразия! Рони многим рассказывала шутки про то, как ей иногда кажется, будто бы её волосы живут своей жизнью. Но чтобы волей-неволей вспомнить эту шутку сейчас и понять, что вовсе она не смешная... Такого ещё не было. Поджимая губы и хмурясь, Рони попыталась сплести косу настолько аккуратно, насколько это было возможно с её копной. В конце концов, шумно и с силой выдохнув, девочка отбросила её себе на лопатки. Хватит. Тяжёлая коса ударилась о спину, работа была сделана. Однако девичий взгляд не стал казаться оттого менее недовольным. Впрочем, она сделала всё, что могла. Опрятности ей чуть не доставало, но что же... Не будут же о ней в Храме Мудрости плохо судить из-за этого?

Подул ветер перемен. Озноб пробежался по телу, подобно шороху сухих листьев, и Рогнеда вдохнула иной для неё воздух, прикрыв глаза. На секунду все звуки поблёкли, даже самые тихие. И она окунулась в саму себя.

Пахнет осени.

Она приехала рано утром, когда было ещё свежо. Дышалось легко, как в деревне, а птицы подавали свои самые первые, ещё пока сонные, но чистые голоса. С первым вдохом её не стало покидать спонтанно возникшее чувство того, что она оставляет свою прошлую жизнь позади и резко сворачивает куда-то в другую сторону, меняя свою судьбу и покидая привычную для неё тропу. Она входит в какие-то непроглядные и неизвестные дебри, которые даже её, столь храбрую и невозмутимую, они приводят в трепет и заставляют быть тише воды.

В раздумьях Рогнеда перевела взгляд туда, где несколько минут назад стоял поезд. Исчезая, он наверняка знал, что эти рельсы сохранят его присутствие надолго. Выцветшие кленовые листья пробежались по шпалам, ведомые затаённым шёпотом ветра, и ей показалось тогда, будто за ней наблюдают множество невидимых глаз, а место это – полно загадок да таинств.

Синева её глаз мерцала обеспокоенным огоньком, а бесцветные брови были чуть сдвинуты в напряжении. Рогнеда сосредоточенно посмотрела вперёд, с вызовом, с твердью во взгляде, но тень сомнений нельзя было не уловить.

Она попыталась наполнить чашу своего ума мыслями о спокойствии, мужестве, здоровье и надежде, ведь «наша жизнь – это то, что мы думаем о ней». А пока она это делала, ей вспомнились одни жизнеутверждающие слова, которые она когда-то давно слышала.

По этому пути я пройду лишь один раз. Так пусть же я уже сейчас совершу какой-либо достойный поступок или проявлю доброту в отношении какого-либо человеческого существа. Пусть я не отложу и не упущу случая это сделать, ибо по этому пути я никогда больше не пройду.

Когда ветер благословил её неосязаемым поцелуем в лоб, мягко положив прозрачные руки на бледные щёки, Рони почувствовала себя лучше, и внезапно возникший на сердце страх отлёг. Она опустила взгляд на ботинки и улыбнулась кончиками губ.

Вперёд, деда?

Вперёд. Ты справишься, девочка! Он непременно сказал бы именно это. Горлышко пластиковой бутылки прилегло к потрескавшимся губам. Живительная вода коснулась зубов, языка, а потом проникла и во всё её тело. Ещё раз выдохнув, но уже бодрее, Рони сделала уверенный шаг навстречу будущему. Что-то мягко подтолкнуло её в спину.

Мелкий камень приятно хрустел под рельефной подошвой ботинок. Рони неспешно поднималась в горы. Длинный путь был уже почти преодолён ею, а усталость не давала о себе знать даже в её тонких плечах. Неудивительно: в какие только горы эта смелая девочка ни забиралась вместе с дедом. Она внезапно почувствовала, что ей не хватает его.

Остановившись, она вылила последний остаток воды почти сухим деревцам, богобоязненно пытающимся вытянуть свои слабые прутья из-под земли.

– У вас получится, – сказала она, приветливо улыбнувшись.

Оставалось совсем немного.

И вот, наконец, вынырнули из-за поворота те самые ворота. Почему «те самые»? Что это значит? Разве она видела их раньше? Нет. Она не знает. Просто ей так показалось. Показалось, что они – *те самые*.

Рони остановилась в метрах тридцати от них. Немигающим взором она смотрела перед собой, дыхание вдруг перехватило: ворота окутывал еле заметный дымчато-золотистый свет. Они сияли. Вдалеке виднелись какие-то монастырские строения, и Рони поймала взглядом острые крылья промелькнувшей мимо ласточки. Яркие листья цвета пьяной вишни зашуршали вновь под ногами, задели кожу на лодыжке и умчались туда.

Открытые. Приглашают меня войти.

Покрепче ухватившись за ручку чемодана, Рогнеда Доэрти подошла и, заметив колокол, негромко дала о себе знать.

Николай Триколенко

В последнее время Николай все реже бывал в монастыре... даже само слово "бывал" уже звучало совершенно нормально. Он не жил здесь, бывая в Пекине, а большую часть времени проводил в столице, время от времени возвращаясь в монастырь на несколько дней. В душе Николай тоже метался между монастырем и Пекином: в монастыре было тише, спокойнее, и люди были ближе по духу, но в Пекин была цивилизация. Там не было огородов, не было загонов с животными, на кухне была посудомоечная машина, было, мать его, электричество, а в Храме Мудрости водяную мельницу построили, а генератор к ней так и не присобачили. В монастыре можно было, не боясь, колдовать, перекинуться зверем и побродить по окрестностям, или даже понапрашивать на ласку у молодых учеников, обожавших гладить зверушку, но вечером, кроме дикого парка, гулять было негде. Но у монастыря было одно огромное преимущество: здесь было спокойно, и ночью можно было спать не вздрагивая при каждом шорохе.

И вот, крепко спавший всю ночь, и отлично выспавшийся Николай, после сытного завтрака, взялся за скучную, но необходимую работу по монастырю. Тренировок на сегодня не планировалось, и он мог полностью потратить один день на работу, даже подменив кого-то из других мастеров и обитателей, чтобы потом иметь больше свободного времени.

Солнце уже клонилось к закату, когда уставший Николай шел мимо главных ворот.

Услышав звон колокола, парень оглянулся по сторонам: обычно новоприбывших "засекали" заранее прорицатели, и, заранее же, кому-то из мастеров поручалось новичка встретить. Но сейчас Николай никого не увидел. Варианта было три: либо этот новичок обладал защитой от прорицателей, не столь и многое для этого надо, либо прорицатели просто прозевали, либо они предвидели, что кто-нибудь услышит. Последние два варианта были маловероятны, скорее уж неизвестный новичок по какой-то причине был защищен. Парень и сам мог укрыться от наблюдения прорицателями, для этого достаточно было постоянно держать ментальный щит... Но сейчас не время было думать, что и почему, и парень побежал к воротам. Пройдя под аркой ворот, которые были без створок, как минимум, с момента восстановления монастыря настоятелем, Николай увидел стоящую у ворот молодую голубоглазую девушку с рыжими волосами, заплетенными в великолепную косу. Красавицей незнакомку Николай не назвал бы, просто довольно симпатичная девушка, на вид... то ли хорошо развитые пятнадцать, то ли неоформленные восемнадцать. Сказать было сложно, да и, честно говоря, Николая это интересовало в последнюю очередь.

- Добрый вечер, - сказал парень по-английски, - добро пожаловать, проходите. Если вы не против, я помогу вам с вещами.

Николай понимал, что обычно люди, добравшиеся до Храма Мудрости через весь Китай, уже более-менее владеют языком, но предпочитал начинать разговор с международного английского: так обычно было проще для всех.

Рогнеда Доэрти

Рогнеда стояла, прислонившись спиной к воротам. Голова её была откинута, а глаза прикрыты. Она слушала мир вокруг себя, и глубоко дышала тибетским горным воздухом. Сквозь её бледную кожу втекало мягкое золото уходящего солнца. Оно не горело, не оставляло за собой полыхающих рдяных облаков или алых акварелей, нет. Оно просто теряло свой ослепительный блеск, укутываясь в вечернюю матовую дымку.

Тихо. Спокойно.

Так, как ей нравится.

Уголки припухлых губ чуть подрагивали, как только слух улавливал переливчатые ноты каких-то дальних птиц, держащих путь над Храмом. Интересно, чем они сейчас заняты? Куда летят, о чём думают? Хотелось бы оказаться сейчас с ними, расправить крылышки, почувствовать меж грудных пёрышек тёплый ласковый ветер.

Зазвучала лирическая песня в голове.

Стань моей душой, птица, дай на время ветер в крылья.

Ей казалось это место безопасным. Она прониклась им, каждой клеточкой своего тела, пока ждала кого-то. В какой-то момент даже потеряла эту мысль, даже забыла о том, что ждёт. Она просто наслаждалась.

Ей здесь... очень нравится.

Но как только девочка услышала звук шагов, то отошла от ворот. Её ботинки шаркнули по каменистой земле, и этот звук разорвал воцарившуюся идиллию, связь девочки с окружающей природой. Она подметила: то, что её слуха коснулся родной английский - уже хорошо.

Чуть нахмурившись, Рони пристально посмотрела на появившегося человека.

Навстречу ей шёл темноволосый мужчина лет тридцати. Серо-зелёные глаза его заметно выделялись на загорелом лице.

- Доброго вечера, - откликнулась она, глубоко заглянув в глаза незнакомца. Это была её своеобразная привычка, может, даже, маленький ритуал - всегда вглядываться в глаза собеседника. В особенности, если видит она его впервые. - Благодарю, - кивнула Рони, принимая его помощь.

Николай и Рогнеда были очень контрастны, создавая некую чёрно-белую картину: чёрные и рыжие волосы, бледная и смуглая кожа.

Николай Триколенко

Обращаясь к незнакомке, Николай на секунду даже почувствовал неловкость: она так наслаждалась моментом, просто подставив лицо под ласковый ветерок и лучи солнца, что хотелось присесть рядом и просто помолчать. Так умели наслаждаться жизнью японцы средневековья, цenia каждую минуту, приглашая близких друзей любоваться закатом. И, что самое важное, такому человеку нелегко будет в современном мире. Пожалуй, этот монастырь будет для девушки хорошим пристанищем, хотя бы на время. В монастыри и храмы часто уходят те, кто хочет укрыться от забот и тревог большого мира, кто не хочет каждый день крутиться как белка в колесе, а просто разобраться в себе, найти гармонию с самим собой и природой... Если эта рыжеволосая девушка пришла сюда именно за этим, ей повезло.

Девушка откликнулась, явно обрадовавшись обращению на английском. Все-таки, китайский на первых порах дается тяжело. И все бы ничего, но тут незнакомка очень внимательно посмотрела Николаю в глаза, и его это насторожило. Одно дело - просто смотреть в глаза, другое - смотреть так, будто заглядываешь в душу, и сейчас был именно второй случай. Будь перед Рогнедой обычный человек - ничего он, наверняка, не заподозрил бы, но Николай был ментальным магом, и тут же приготовился отразить возможное проникновение в свои мысли...

Вот только ни малейших попыток ментального воздействия рыжеволосая девушка не делала. Николай уже догадался, что ее внимательный взгляд - лишь привычка, но справился с собой далеко не сразу.

- Тогда идемте, вы, наверняка, устали и проголодались, предлагаю сперва зайти в столовую. Если там Настоятеля не будет, после того, как поедите, зайдем к нему.

На памяти Николая, Шэ Бао еще никому не отказал сходу в праве остаться в монастыре. Ведь, обычно, если человек сюда приходил - сама судьба вела его, и настоятель не спорил с ней. Но непреложное правило - разговор с настоятелем и получение разрешения не нарушалось никогда.

Парень подхватил чемодан Рогнеды, и зашел под арку ворот. Он все никак не мог избавиться от ощущения, что с ним самим что-то не так, что он не должен был, по логике, пугаться взгляда рыжеволосой незнакомки. Похоже, последние события изменили его, и не в лучшую сторону...

- Позвольте представиться, - запоздало спохватился мужчина, - меня зовут Николай, а вас?

Рогнеда Доэрти

Был ли смысл в том, чтобы опасаться океанского взгляда юной шаманки? Вряд ли. Рогнеда даже и не заметила замешательства своего нового знакомого. Дело в том, что девочка совершенно не разбирается в людях, хотя от рождения и получила в дар шестое чувство от своей прародительницы. Впрочем, интуиция её не угасала, вопреки слепоте своей хозяйки. Она сияла, подобно путеводной звезде, и мерцала с трепетной надеждой на то, что совсем-совсем скоро Рогнеда проснётся, раскроет глаза, прислушается и научится правильно её толковать. Но пока молодое шаманское сердце билось тихо, с шумом дождевого посоха, замерев где-то на призрачной границе между своей неуверенностью, незнанием и природным вожделением.

Известна одна лишь правда: плохо знающие Рони люди не всегда правильно трактуют её поступки, вкусы, манеры и привычки. Так и Николай не смог понять её взгляда.

Часто всем приходят в голову всякие мысли...

Доэрти сегодня не в духе, лучше бы не лезть сейчас к ней, ибо вон как глядит на тебя своими синими глазищами, берегись!

Или, мол...

Похожа на ледяную глыбу, аж мурашками до костей пробирают, Иисус!

Однако они почти всегда ошибаются. Отчасти верно предполагать, что рыженькая девчушка скупа на эмоции, но, как оказывается позже, это только с первого взгляду. На самом деле все переживания одолевают Рони глубоко внутри, только не находят отражения на лице. И потому лишь самые близкие люди могут по взгляду понять, какая же буря владеет её сердцем на данный момент.

– Моё имя Рогнеда, – ответила девушка. – Но все зовут меня просто Рони.

Исключая мать в гневе...

Мисс Доэрти, где вы опять пропадали всю ночь?! Немедленно объясните!

Рони склонила голову, и уголки её губ приподнялись в лёгкой усмешке, как только она вспомнила о казусах со своей мамой.

Николай Триколенко

К сожалению, напряженность, возникшая при знакомстве, не спешила развеиваться: Николай хоть и не чувствовал попыток ментального вмешательства, оставался напряженным. Его немного пугал взгляд Рогнеды, точнее, пугала неизвестность, непривычность ситуации. Ее немногословность, тихое поведение вкупе с этим глубоким взглядом, вместо честности, открытости и нежелания говорить лишние слова, была воспринята как угрозу непонятно чего. Чтобы хоть немного разрядить обстановку, молодой мастер поинтересовался.

- А откуда вы?

Николай, опираясь на имя, предполагал Швецию или Норвегию, но решил переспросить: лингвист из него был никакой, а с привязкой имен к стране рождения он уже не раз ошибался.

Продолжая держать усиленный ментальный щит, Николай провел девушку на главную площадь, где чуть задержался, чтобы поправить сумку на плече, и

дождаться новенькую.

- Пока идем, заодно вкратце расскажу что где. Сейчас мы на главной площади. Справа - колокол, который здесь служит таким оповещением. Утренний подъем, вечерний отбой, завтрак, обед, ужин и общие собрания объявляются боем в этот колокол. Впереди - храм Будды. Вероисповедание в монастыре свободное, с той лишь оговоркой, что никому свои религиозные взгляды навязывать не стоит, и запрещено насилие в каком бы то ни было виде.

Молодой мастер повел девушку мимо храма к ручью, через который был перекинут мостик. Храм - это хорошо, но сперва человека следовало накормить, и пристроить его вещи.

Рогнеда Доэрти

Говорят, что русские люди не привыкли надевать маску улыбок при общении с другими, как это делают из вежливости англичане. Хотя ирландская национальность Рогнеды и близка к английской ввиду истории этих двух народов (вспомните национально-освободительную борьбу Ирландии с Великобританией), она общается иначе и улыбается не так часто. Взрывной ирландский темперамент может терзать её изнутри на мелкие кусочки, но она почему-то редко даёт ему волю.

- Я из Ирландии, пригорода Дублина. А вы?

Рони кивнула, выслушав Николая.

Она внимательно разглядывала всё, что её окружало, а кровь внутри так и бурлила: до чего красиво! Даже мутная синева её глаз заблестела, как блестят морские гребешки в лунном свете.

Тео Чун

Когда приезжаешь в монастырь, главное - не маяться бездельем. Или хотя бы делать это не так откровенно, потому что стоит тебе попасться на глаза кому-то из старших мастеров, как им непременно приходит в голову отправить тебя работать. Тео вот очень неаккуратно умудрился встретиться Бо-джи, когда собирался провести остаток этого выходного в праздном ничегонеделании. Она сначала поинтересовалась, не видел ли Тео Николая или Юэ, затем велела найти кого-то из них, а заодно и проверить, что за звон доносится со стороны ворот. Как будто непонятно, что кто-то в очередной раз пожаловал в стены монастыря. Впрочем, Тео, красноречиво осмотрев территорию монастыря, не огражденную ничем, кроме гор и озера, упоминание стен счел неуместным, но за эту секундную задержку получил пожелание поторапливаться, а не стоять бестолковым столбом.

Тео хотел было огрызнуться, что уже давно не ученик и нечего на него спускать всех белогривых церберов, но благоразумно промолчал. Умение благоразумно молчать можно было счесть его самым удачным приобретением за последние годы - не раз оно спасало ему жизнь.

Направляясь к воротам, Тео увидел у ручья сначала Николая, а рядом с ним - незнакомку с удивительно длинными рыжими волосами. Вот как, значит можно убить двух зайцев одним выстрелом - и Николая отправить на верную смерть,

простите, к Шэн, и посмотреть, кого судьба привела на этот раз. Первым дело Тео, конечно, нацепил на лицо дружелюбную сияющую улыбку.

- Тебя Бо-джи зачем-то ищет. Она у себя, - вначале он слегка поклонился, скорее из вежливости, чем из необходимости это делать, и передал Николаю ценное послание. Чтобы не забыть. Забудешь - пойдут клочки по закоулочкам. А незнакомку, получается, Тео придется взять на себя. - Ну привет, - обратился он уже к девушке, когда Николай, извинившись перед девушкой, отправился по своим делам. Или по делам Бо-джи. - Выходит, теперь я буду твоим проводником. Меня зовут Тео. Как насчет, что у нас сейчас? Обед? Ужина?

Анна-Лиза Саволайнен

Вмешиваться в чужие беседы Анна-Лиза умеет, а под настроение и любит. Сейчас настроение именно такое, слегка игривое - как раз чтобы встрять в чей-нибудь оживленный диалог и начать всячески стягивать одеяло чужого внимания на себя. Именно с этой целью Анна-Лиза и начинает методично обходить монастырь несколько бессистемными кругами. А народ, словно чувствуя, чем ему угрожают, не спешит сбиваться в тёплые компании, в центр которых будет так удобно телепортироваться и внести туда немного северного хаоса, вечно слегка праздничного, практически из Лапландии напрямиком.

Здравая мысль проверить, как обстоят дела у ворот, Анне-Лизе приходит в голову далеко не сразу, только после того, как девушка уже изрядно устаёт наткнуться на одиноких случайных знакомых и даже морально готова начинать злиться. В самом деле, у ворот с определенной периодичностью встречаются новичков, а стало быть, сбиваются как раз в относительно тёплые, примерно подходящие для коварной телепортации вовнутрь компании. Да и потом, колокол у ворот вроде бы как раз звонил не так давно, напоминает Анна-Лиза. Значит, шансы кого-нибудь там найти очень и очень высокие. Как минимум имеет смысл пойти и покрутить любопытным носом.

Оживлённое движение возле ворот и впрямь присутствует. И даже примерно там, где Саволайнен и ожидала его отыскать. Правда, при виде Анны-Лизы компания почему-то начинает разваливаться, стремительно отстреливаясь куда-то прочь одного человека. Но это ничего, два человека по-прежнему ещё могут считаться толпой. Теперь уже дело остаётся за малым - поймать краем уха обрывок разговора, зацепиться за него и смело шагать вперёд.

- Обед сегодня приготовился у дежурных прекрасный! - громко подтверждает Анна-Лиза, не размениваясь на такую ерунду, как приветствия. - Если бы за это девочкам могли подарить "Оскар", то ДиКаприо опять остался бы наедине со своим одиночеством! - лишний раз демонстрируя, какой шикарный обед сегодня удался дежурным, Анна-Лиза манерно целует кончики собственных пальцев. Коварно умалчивает о том, что сегодня по столовой дежурили её подружки, а не похвалить лишний раз закадычных подруг - это почти что предательство, и обращается к рыжей девушке: - А я могу быть запасным проводником. На случай, если предыдущий вдруг сгорит. Я Анна-Лиза, очень радуюсь встрече. А как зовут прекрасную рыжую леди?

Рогнеда Доэрти

Удивительно, как резко, бывают, сменяются события в жизни. Они подобны извилистому ручейку: так же быстротечны и неугомонны. Казалось бы, только

недавно Рогнеда ждала проводника наедине с духом природы, трепещущим в упоённом штиле и свисте далёкой птицы-странницы, размышляя о чём-то своём; но вот уже один встречающийся сменился другим, а ко второму подбежал и третий. Это заставило уголки припухлых губ чуть дёрнуться в доброй усмешке.

Не успев поздороваться с Тео, Рони перевела свой взволнованный взгляд на Анну-Лизу.

— Я Рогнеда, — со звучным ирландским акцентом произнесла юная шаманка, постаравшись обратиться сразу к двоим, — приятно познакомиться. Да, от обеда я бы сейчас не отказалась, — она улыбнулась, наблюдая за жестикуляцией Анны-Лизы, и добавила с усмешкой: - Но надеюсь, что никто сегодня не сгорит.

Незнакомая дорога, чужая страна, новые люди — всё это отменно распаляло интерес и разогревало и без того зверский аппетит молодой девушки. Надо бы отведать местной кухни.

Тео Чун

Когда у их компании появляется еще одно лицо, да так неожиданно и внезапно, словно успело сюда раньше самого Тео, младший из близнецов как раз собирается вывалить на новенькую вагон ценной информации и приветливо мигать улыбкой, но вместо этого глотает слова и смеется, наблюдая за тем, как Анна-Лиза, знакомая ему по одному или даже парочке совместных занятий по магии огня, нахваливает местную кухню. Если бы он был чуть более падким на уговоры...ну ладно, признаем суровую правду - он очень падок на уговоры, особенно если исходят от таких вот эффектных блондинок, то мигом бы рысью рванул в столовую, проверять, что же там такого наготовили, словно это не он буквально час назад оттуда вышел с приятно потяжелевшим желудком.

- Не сгорит, - усмехнулся Тео, борясь с желанием продемонстрировать хотя бы мельком, насколько хорошо он управляется с пламенем. Не настолько хорошо, как хотелось бы, но лучше, чем можно себе представить, глядя на такого оболтуса, как Тео. - Рад знакомству, Рогнеда. Красивое имя, необычное, - похвалил Тео, а он очень любил все красивое и все необычное. Он взглянул на Анну-Лизу. - Ну, тогда берем курс на столовую?

До нее оставалось всего-то парочка минут ходьбы и даже того меньше, ведь они стояли у мостика, после которого до местного ресторана было рукой подать. К тому же он надеялся, что обязанность экскурсовода возьмет на себя блондинка - ему в жизни не удастся так ладно петь про окружающие красоты, как ей, если уж она кухню умудряется рекламировать так, будто в ней минимум четыре звезды Мишлен.

Анна-Лиза Саволайнен

- С таким именем города можно брать одним приветствием. Королевское! - мечтательно вздыхает Анна-Лиза. Ей кажется, что одним только звучным "р" в имени Рогнеды вполне возможно заставить землю подобострастно задрожать, если правильно его произнести. И от демонстрации Саволайнен удерживается с небывалым трудом. Очень уж хочется раскатисто перекатить чужое роскошное имя по языку.

- Всё возмём: и курс, и столовую, ничего не забудем, - согласно кивает Саволайнен, в очередной раз слегка путая значения слов, но, как обычно, царственно не обращая на это внимания. Пока окружающие её понимают, девушка по умолчанию

считает свой уровень владения языком идеальным. И совершенно не видит смысла саму себя в этом разубеждать. С вежливой улыбкой Анна-Лиза вклинивается чётко посередине между Рогнедой и Тео, соглашаясь перехватить на себя инициативу так легко, что даже отчётливо просить об этом вслух не приходится. Одной рукой девушка мягко, но цепко подхватывает под локоть Рогнеду, второй рукой так же надёжно фиксирует Тео и первая шагает на мостик, уверенно задавая направление движения.

- Дорогая Рогнеда, - и всё-таки Анна-Лиза не удерживается, сочно и раскатисто произнося имя своей новой знакомой, - осмелюсь привлечь твоё внимание к берегу, на который мы переходим. Это славный социальный центр нашего дружного муравейника. На восточном берегу все обитатели монастыря живут, дружат и воюют. А на западный все чаще забредают по долгу учёбы или дежурства, - обобщения Анна-Лиза проводит решительно, меряя по опыту своему и своих подружек. И, окончательно вживаясь в роль экскурсовода, произносит ещё несколько фраз, нарочито гундося и растягивая слова: - Дорогие экскурсанты, посмотрите направо. В лице этих крыш вы наблюдаете жилые корпуса, где помимо койкомест существуют также самые разные кружки по интересам. Дорогие экскурсанты, развернитесь на приятный запах и шагайте налево, это приведёт вас прямоком в столовую. В этом славном здании каждый из вас непременно хоть раз да постоит у плиты, поэтому предлагаю сразу всем сердцем возлюбить место грядущих славных кулинарных побед, - в порыве вдохновения Анна-Лиза прыгает выше головы, выжимая из своих знаний китайского языка даже то, чего там нет и вроде как не было никогда. И коротко подмигивает Рогнеде: - Прекрасная леди предпочитает рыбу или курицу в это время суток?

Рогнеда Доэрти

Брызги животрепещущей энергии окатили Рогнеду с головы до ног, как будто бы она только что подошла к радостному морю, и оно поприветствовало её, рассмеявшись солёными прохладными каплями. Не успела девушка и глазом моргнуть, как Анна-Лиза, подобно золотой рыбке, закружила вокруг, заговорила, подхватила под локоть, и унесла с собою беззаботным течением. Что происходит?

Она поблагодарила Анну за её лестные отзывы о её имени, хотя и тихо, неразборчиво, ещё пока не совсем привыкнув к настолько шумной и весёлой компании.

Но такая радушная встреча (как будто бы именно её ждали непременно здесь и сейчас!) отозвалась на душе неуверенно-смущённой улыбкой, заигравшей на губах Рони. Ещё только пару минут назад она стояла в уединении у ворот, прислушиваясь к шёпоту ветра и отзвукам от птичьих крыльев, полная спокойствия и умиротворения, но вот уже горячая ирландская кровь забурлила, и спокойствию пришлось раствориться, дабы не мешать успевать всё и сразу.

- На самом деле, духовная пища для меня играет **большую** роль, - прозвучал её голос уже твёрже и звонче, и она усмехнулась, вспоминая, как часто с голодухи разгадывала то, что раньше не поддавалась её уму. - Я не очень привередлива в этом плане.

Да, обычно наша ирландка ела бы всё подряд, не особо разбираясь в том, что сейчас положит в рот (главное - побольше и побыстрее, чтобы не тратить время), но часто из-за своих приключений или каких-то *ну уж очень* увлекательных дел она банально забывала поесть.

Однако если уж попытаться серьёзно покопаться, разобраться в её вкусовых

предпочтениях, то... Рогнеда не стала говорить о том что ни мясо, ни рыбу она не особо жалуется, потому как больше предпочитает вегетарианскую кухню по различным соображениям. Ей показалось, что это будет выглядеть не очень вежливо и тактично. Чем накормят - то и съедим, мы не гурманы.

Анна-Лиза Саволайн

- О! - говорит Анна-Лиза, выразительно округляя рот и глаза. Такая серьезная любовь к духовной пище должна вызывать уважение, кто бы о ней ни заявлял, что девушка, что юноша. Это всегда должно быть похвально, и Анна-Лиза, хоть сама припадает к источникам мудрости не слишком-то часто, старательно рисует на своем лице вежливое уважение.

В этом месте, в идеале, должен бы вступить Тео, как более мудрый и опытный старожил монастыря, и рассказать Рогнеде, что здесь да как с пищей для умов. Анна-Лиза даже оглядывается на Тео, стараясь как можно более выразительным взглядом подтолкнуть его к тому, что пора уже начинать вдохновенный и полезный монолог, но не добивается в ответ не только ни единого слова, но и, кажется, ни единого движения мускула на лице. Приходится снова брать все в свои руки.

- Тогда я возьму на себя храбрость утверждать, что твоя душа тоже не останется на диете, - говорит Анна-Лиза, с удовольствием вновь примеряя на себя роль барона фон Информатора. - Но это, конечно, если ты сама тоже будешь трудиться, чтобы её накормить. Здесь никого насильно не просветляют. Вот взгляни, например, на меня - никаких следов высших откровений! Пока подруги мне дороже, - улыбается Саволайн, ничуть не стесняясь признать: да, она отнюдь не образцовая ученица. Она, скорее, куда ближе к образцу того, как не надо.

Перед самым порогом столовой Анне-Лизе приходится разжать ладони и перестать конвоировать Рогнеду и Тео. Склонная к эффектным жестам девушка в два прыжка вырывается вперед, забегающая в столовую первой, и уже оттуда дружелюбно обводит помещение руками: - Заходите, почтенные гости, ваше место - любое, на которое ляжет глаз. Мадемуазель желает большую или гигантскую порцию риса? Разогретую в очаге или на огнедышащих ладонях? Сколько чайников чая пожелаете? Заказывайте, не стесняйтесь, у меня сегодня щедрое настроение!

Рогнеда Доэрти

Рогнеда проходит в столовую за Анной-Лизой, оглядываясь вокруг, зацепляясь взглядом за каждую деталь, которую теперь она будет наблюдать каждый день завтракая, обедая и ужина в течение долгого времени.

Низкие столики с циновкой, вычищенный до блеска деревянный пол, воздух, пропитанный ароматами специй, риса, чая... Свет, проникающий с улицы, падающий дорожками на стены, полы, бархатные листья растений, освещающий и создающий атмосферу уюта и какого-то хорошего настроения... Наконец, густой травяной цвет, преобладающий в интерьере, который радовал глаз, сглаживая настроение и уравнивая эмоциональное состояние... Словом, столовая была красивой, попросту красивой, без излишеств. Можно сказать, гармоничной. Да, точно, это то самое слово.

Рогнеде здесь очень понравилось. Хотя ей нравится практически всё новое и неизведанное, и такая восточная обстановка после привычных европейских условий не могла не вызвать восторга и заинтересованности в том, чтобы поскорее опробовать местную кухню.

- Я съем всё на свете! - подытожила свои размышления Рогнеда вслух и, посмотрев

на своего белокурого экскурсовода, блеснула широкой улыбкой.

Анна-Лиза Саволайнен

На старательно вычищенный пол Анна-Лиза тоже обращает внимание, но это не столько кажется ей красивым, сколько вызывает уважение. Далеко не у всех дежурных есть желание драить половицы до блеска, даже на саму Саволайнен, от общественных работ не отлынивающую, подобные приступы трудолюбия находят не часто. Тут явно трудились фанатики, причём скорее девушки, чем юноши. Мальчишки могут запросто допереть от ручья полную ледяной воды бочку, этот подвиг у них уже входит в обыденность. Долго и терпеливо натирать пол - это все-таки, наверное, не к ним. Хотя если как следует поискать, то, может, и такие герои найдутся.

Фразу "съем все на свете" Анна-Лиза воспринимает как разрешение тащить Рогнеде тройную королевскую порцию. С улыбкой кивает, обещает: - Метнусь тушканчиком, вернусь мухой. Не скучай без меня! - и резво, почти вприпрыжку спускается в погреб.

Сегодня котелок с холодным обедом выглядит как-то особенно жалко - обитатели оказались то ли голоднее, то ли сговорчивее обычного, трескали как не в себя. Анна-Лиза даже начинает сомневаться в том, что на запланированную тройную королевскую порцию там хватит. Как бы не пришлось довольствоваться обычной королевской. Саволайнен хватает котелок - девушка она и так не хрупкая и всегда справляется с ним без проблем, а сегодня, так это и вовсе легко - и бодро взбегают обратно вверх по лестнице. Чтобы обнаружить в столовой значительные перемены. - Не постигаю. Где третий? - коротко удивляется Анна-Лиза, обводя столовую глазами в безуспешной попытке найти Тео. Вытряхивает содержимое котелка в жаровню, лентясь разводить огонь, прикладывает к гладким бокам жаровни разгоряченные магией ладони - и, пока Манипура заменяет собой очаг и разогревает обед, Саволайнен старается занять Рогнеду беседой, уточняя: - Он тебя быстро бросил или хоть попытался изобразить вежливого собеседника?

Рогнеда Дозрти

Рогнеда проводила собеседницу взглядом. Прыткая и неуловимая, как солнечный зайчик, Анна-Лиза с порывистым энтузиазмом ускакала тот час же за восточными кушаньями в погреб. Но не успел и простыть от девушки след, как она вновь возникла перед глазами Рони (та даже не успела как следует устроиться на циновке у маленького столика).

Как будто бы солнце вдруг спряталось играючи за пепельными тучами повседневности, а затем выглянуло себе как ни в чём не бывало, ясное и задорное. Ты, к слову, даже и опомниться-то не успел.

По какой-то причине всю недолгую жизнь Рогнеды окружали её подобные Анне-Лизе люди. Юная ирландка обычно описывала их кратко и ёмко: солнечными зайчиками. Свет нельзя поймать и заключить в руках даже на секунду - он не осязаем. Если вода благословит тебя ненадолго и по твоей просьбе задержится в ладошках, сложенных корабликом, то свет, напротив, будет скользить по твоим плечам златой шалью только возжелав того сам, своевольно. Свет свободен, непостижим. Его нельзя коснуться, но можно почувствовать. А шлейф послевкусия, который он оставляет, совершенно необъясним и не поддаётся отделкой словами.

Наверное, в симбиозе света и воды последний элемент можно сравнить с алмазом, который красив лишь только в огранке. А свет - это и есть огранка. Огранка воды.

Дедушка Рогнеды тоже солнечный зайчик. Но видно богам, он какой-то особенный солнечный зайчик, поскольку лишь рядом с ним она не чувствует себя одинокой отшельницей. Рядом с дедом Рони - цельная личность, достойная любви и внимания, счастливой и интересной жизни, а вовсе не "та странная девчонка". Благодаря этому тёплому, родному свету вода блесит и переливается в его лучах искренне, с душой и так, как никогда прежде не переливалась.

Отправляясь в Храм, Рони заранее знала, как будет болезненно сжиматься сердце при долгой разлуке с близким человеком, и как ей будет *одинок*о. Но иного пути выбрать она была просто не в состоянии. Рони не может всю свою жизнь оставаться в деревне и топтаться на месте, в зоне комфорта. Ей необходимо двигаться дальше, как ручейку - он всюду пробыёт себе дорогу. На самом деле Одиночество, в большей степени, её друг, а не враг. Да, это правда: Рони порою устаёт от людей и нуждается в отдыхе, в некотором роде терапии единения и тишины, которая позволяет ей прислушаться к сердцу и потоку мыслей. Благодаря этим терапиям она не потеряет, не забудет саму себя. Корень проблемы зарыт немного глубже...

Рогнеда знала, что первое время без деда будет чувствовать грусть острее обычного. Однако она так же и понимала, что это незнакомое место сможет ответить ей на многие вопросы и прояснить то, что раньше было подёрнуто неподатливой дымкой неизвестности. А потому... Как говорится, без боли нет побед.

- Чего нос повесила, курочка? - прозвучал ласковый голос деда в голове, и перед глазами его лицо осветилось добродушной улыбкой.

Курочка. Так дед ласково называет Рони и её мать.

Лицо Рогнеды тронула едва заметная улыбка.

Верно! Не время хмуриться, иначе мышцы соберутся в области третьего глаза и закроют обзор на всё прекрасное, что есть в этом мире. Она усмехнулась этим мыслям: вон, уже и к культуре начинает приобщаться. Может, не совсем тибетской, но... Зато к восточной!

Больше всего на свете ей сейчас хотелось поскорее наестся (живот уже неистово урчал) и побежать исследовать территорию Храма. У неё что-то дрожит под яремной впадинкой, какое-то волнительное нетерпение и щекочущее ощущение того, что она, похоже, здесь сможет почувствовать себя как рыба в воде, в отличие от отторгающего её Дублина. Как же хочется, чтобы шестое чувство не подвело.

Хотя... Разве же оно когда-либо подводило нашу героиню? Нет, оно всегда оборачивалось её путеводной нитью в запутанном лабиринте жизни.

"Он тебя быстро бросил или хоть попытался изобразить вежливого собеседника?"

Вопрос, неожиданно адресованный востепенной Рони, вывел её из текущих раздумий.

- Похоже, у него назрели какие-то очень важные дела, - немного растерянно ответила она и улыбнулась.

Анна-Лиза Саволайнен

Взясь с жаровней, Анна-Лиза то и дело хмурится и нетерпеливо вздыхает. Девушке кажется, что все происходит очень долго - так долго, что гостя вот-вот скончается от голода и даже успеет ссохнуть в жалостный, предельно тощий скелет. Саволайнен испытывает жгучее желание сделать все как можно быстрее, начать нагревать обед более рьяно, взвинтить температуру собственных ладоней до максимально допустимого предела. И останавливает ее только здравая мысль, что подобными темпами куда скорее получится запечь рис в несъедобные головешки, чем как следует разогреть.

- О, знаю я эти важные дела, - недовольно бурчит Анна-Лиза, искренне считающая, что роли повара и придворного шута все же следует разделять. А когда повар одной рукой готовит рис, а другой - жонглирует тремя апельсинами, попеременно роняя их себе на голову, то в конце концов обязательно рис сгорит, апельсины потеряются и все останутся недовольны. Свое раздражение Саволайнен переводит в движения, усердно растирая круглые бока жаровни раскаленными ладонями. И подсказывает: - Например, одно очень важное дело у мальчишек называется "мне надоело с вами возиться", правильно? У меня есть три брата, так что я всех их знаю! Мои братья отлично умели два дела: напакостить и смыться, пока на них никто не глядит! Поэтому я выучилась всегда на них смотреть. Но о Тео я думала лучше! Что ж, теперь буду знать, что и от него тоже я не могу отрывать свой глаз!

Пока девушка занята разговорами, от риса начинает подниматься приятный пар, и Анна-Лиза считает это признаком того, что обед готов. Бойко перекладывает разогретую еду в миску, ставит перед Рогнедой вместе с двойным набором столовых приборов (вилка для дилетантов, палочки для продвинутых едоков, оба прибора сразу для отважных комбинаторов) и снова хватается за посуду, на сей раз - за заварочный чайник, бодро вопрошая: - Что ты думаешь про чай? Я могу разный заварить. Черный, зеленый, бурда на ячьем молоке? Какой чай предпочитает мадемуазель в это время суток?
